

НАША СТРАНА

Год издания 71-й. Буэнос Айрес, 27 октября 2018

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 27 de octubre de 2018

No 3088

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

Бессовестная политика Вселенского патриарха

Понимаем, что писать о бессовестности поведения и деятельности Патриарха, именуемого по установленной традиции Вселенским, выглядит дерзко. Тем не менее решаемся употреблять такое выражение, помня слова А. С. Хомякова в ответ тем, кто осуждал жёсткость его выражений относительно латинской веры, что они не должны считаться оскорбительными для западного читателя, ибо «если я не вышел из пределов истины, если не сказал ничего такого, чего бы в то же время не доказал, жестоким окажется само дело, а не моё слово».

Именно то же самое можно сказать относительно риторики, сознательного искажения истины, грубого и сознательного нарушения канонических предостережений им безумном деле предоставления украинской автокефалии.

Упорство, с которым патриарх Варфоломей проводит это дело, просто уму непостижимо. И ещё менее понятно, что находится столько людей, поддерживающих его и радующихся его разбойничьим деяниям и заведомо ложным суждениям. Эти ложные трактовки, умышленно представляющие исторические факты в кривом зеркале, делятся уже более трёх месяцев и неустанно появляются и перепечатываются изо дня в день. Пусть каждый продолжает говорить и писать, что ему угодно, но мы не должны поддаваться всяким русофобским силам и должны придерживаться того, что не может не думать каждый простой, рядовой, искренний член Зарубежной Церкви.

Рассмотрим события по порядку. Синод Константинопольской Церкви на своём заседании 9-11 октября, ни перед чем не останавливаясь, принял ряд более чем спорных решений. В недавней статье, констатируя тупикивое положение в котором очутился патриарх Варфоломей, мы писали, что единственным для него выходом из положения было бы, какой-нибудь махинацией, обелить Филарета Денисенко, восстановить его в сане с тем, чтобы иметь кого-нибудь, кому передать пресловутый *томос*. Но тут же писали, что в силу своей "вселенскости" и своего первенства чести среди официального Православия, он на такую низость не может пойти. Оказалось, что может.

Вспомним Хомякова — жестоко само дело, а не слово. С Филарета был снят сан, затем на него была наложена анафема. Мы тут даже не рассматриваем, справедливы и обоснованы ли были такие решения, принятые его иерархией, а подходим к вопросу с чисто канонической и разумной стороны, доступной каждому православному: тут налицо грубое вторжение в дела даже не чужой епархии, а чужой Церкви и явное нарушение хотя бы пятого правила I Вселенского Собора, гласящего: «должно /.../ держаться правила, которым поста-

новлено, чтобы отлученные одними, не были приемлемы другими».

Но не в этом самое главное и возмутительное. Даже если Московская Патриархия не чужда многим нравственным погрешностям, и значит не является наиболее пригодной в роли стража нравственности, тем не менее, одна из причин принятых канонических прецедентов было то, что общепризнано говорить о Филарете Денисенко, как о "добром семьянине", что мало свойственно архиерейскому патриаршему сану и монашескому состоянию, а Константинополю не могло это быть неизвестно. Правда, в первые дни сентября этого года Священный синод Вселенской Церкви прославился ещё тем, что официально ввёл возможность вступления во второй брак для своего духовенства, узаконив тем самым старую мечту, которая была ещё отклонена даже сугубо реформаторским Всеправославным собором 1923 года и была вновь предложена и отклонена на недавнем Всеправославном соборе в 2016 году на Крите.

Если кто думает, что Православная Церковь придерживается сугубо традиционных взглядов, то это не относится к сегодняшней Константинопольской Церкви. Жестоко само дело, а не слово.

Вот какой уловкой был решён вопрос затора в дальнейшем продвижении дела передачи *томоса*. Третий пункт принятых решений на заседании Синода от 9-11 октября с.г. гласит: «/.../ Таким образом,

упомянутые выше лица /то есть Филарет Денисенко и Макарий Малетич/ были канонически восстановлены в своём епископском и священническом сане, также было восстановлено общение их верных с Церковью». Теперь, как мы видим, путь открыт для дальнейшего хода — канонические препятствия, мол, сняты, яко не бывши.

Патриарх Варфоломей, последовательно держась логики согласно которой, когда на пути встречается препятствие, не следует терять времени и сил для его решения, а проще всего, своей "вселенской властью", постановить, что такового просто нет и никогда не было. Таким способом проще всего удаётся решать неугодные проблемы. Как увидим ниже не только не считается он с церковными канонами, но и с исторической действительностью. И тут мы достигаем вершин гротеска, что повидимому некоторых ничуть не волнуют.

Уже знакомый нам архиепископ Иов (Геча), тот самый, которого прихожане изгнали с парижской кафедры на рю Дарю в Париже, официальный представитель Константинопольского Патриархата, доктор богословия, эксперт по украинским делам и пр., и пр., из женевского пригорода Шамбези вещает: «Необходимо исследовать и переосмыслить прошлое, избавиться от искусственных мифов и искажения истории, исправить ошибки прошлого, нарушение канонических и повернуться лицом к правде».

Отбрасывая "искусственные мифы и искажения истории" наш эксперт в состоянии открыть нам неоспоримую правду, которая теперь уже принята его патриархом и всем константинопольским синодом за евангельскую неприкосновенную истину: «Чтобы снять все спекуляции вокруг искусственных упреков во "вторжении на чужую каноническую территорию", отмечу, что территория Украины никогда не была канонической территорией любой другой Поместной Православной Церкви, кроме Вселенского Патриархата./.../ Украина была и оставалась, даже после 1686 г., канонической территорией только Вселенского Патриархата».

Неискушенный слушатель, естественно, глубоко удивится и будет поражён, зная, что вот уже несколько веков матерью городов русских, Киев, успешно процветает в лоне России и Русской Церкви. К тому же, это его широко распространённое подсознательное чувство подтверждается самими, что ни есть официальными, историческими источниками.

Читаем исторический документ, посланный в мае 1686 года Вселенским патриархом Дионисием "во Святом Дусе возлюбленному брату и сослужителю патриарху Московскому и всея России Иоакиму". После многих витийных фраз в чисто византийском стиле, в которых упоминается переписка с "Богочестивыми великими царями Московскими, всея великия, и малыя, и белыя России самодержцев", излагается основная причина написания сего послания: «/.../ Судила мерность наша и приговорила соборно /.../ отныне тоя митрополия Киевская да будет подлежаща к святому патриаршему Московскому престолу». Вот сердцевина послания Константинопольского патриарха.

Далее ещё сказано, что когда будет представляться в том надобность в хиротониях, они будут совершаться «патриаршествующим» в «Богочрашимом великом граде Москве».

Так 332 года назад, недвусмысленно писал прямой предшественник нынешнего патриарха Варфоломея. Не читаем ни слова о якобы временном характере передачи Киевской митрополии Московскому патриарху, о чём подчеркнуто без усталы пишут фанариоты.

Наряду с этим ясным посланием имеются другие столь же авторитетные документы, в которых не менее ясно говорится, что Киевский митрополит должен признавать патриарха Московского своим «старцем и наставником», что он подсуден суду Московского патриарха, говорится о подчинении патриарху Иоакиму и его преемникам.

Правда, патриарх Дионисий оканчивает своё послание тем, что на богослужениях следует поминать первым Вселенского патриарха до патриарха Московского. Вероятно так оно и было в самом начале. Мы

ОБНОВЛЕНЦЫ РАСПОЯСАЛИСЬ

На интернет-сайте Собора Святого Князя Владимира в Петрограде – vladimirskysobor.ru содержится весьма интересный список имен в синодике об упокоении.

На страницах 26-27 читаем имена: Якова Свердлова, то есть кровавого изверга, организатора красного террора против православных христиан; Каменева, его подельника, сталинских и хрущевских приспешников Калинина и Подгорного; Андропова – откровенного ненавистника христианства и покровителя прозападных диссидентов, разрушителя исторической, единой неделимой России.

На страницах 43-45 читаем имена: Льва Троцкого (Бронштейна), то есть разрушителя Исторической России, вдохновителя и исполнителя массовых репрессий против православных, которого писатель Иван Бунин назвал кровавой гадиной; Григория Зиновьева, исполнителя массовых расстрелов жителей Петрограда и ненавистника России; Сергея Кирова, проводившего политику массового закрытия православных храмов и их разрушения в Петрограде, в частности инициатора закрытия Кафедрального Казанского Собора.

В синодике содержится имена глав Временного Правительства масонов князя Львова и Керенского, которого ни один зарубежный священник не согласился отвеать. Тут же целый список коммунистических функционеров-атеистов разного уровня.

До какой же наглости дошли эти откровенно распоясавшиеся еретики-обновленцы, а на самом деле откровенные вредители, что позволяют себе так беззастенчиво глумиться над святыми христианскими чувствами православных людей и над исторической памятью русского народа, занеся уже воинствующих безбожников и врагов Христовых, зонтиелей православия, палачей русского народа в синодик храма для поминовения за упокой!

Сергей Шаронов

не знаем когда прекратился такой порядок поминовения, вероятнее всего со временем, произошло естественно, когда Киевская митрополия полностью сраслась с Московской Церковью. Однако сегодня, греческая сторона цепляется, как утопленник за спасательный круг, за этот вопрос, как-никак второстепенной важности, представляя его чуть ли не основным пунктом послания, что в частности позволяет архиепископу Иову писать неблизкие следующего типа: «Ведь в Константинополе и подумать не могли, что в Московской Церкви-дочери нарушат договоренности и попытаются силой отменить каноническую юрисдикцию Константинопольской Матери-Церкви в Украине».

Где, кто, когда силою отнимал у Константинополя канонические территории?! Легче было бы доказать обратное. Однако, на основании таких басен Вселенский патриарх счёл возможным всё на том же заседании Синода 9-11 октября, в четвёртом пункте, «Отменить обязательства Синодального письма 1686 года, выданного при обстоятельствах того времени, которое оказывало в порядке икономии право Патриарху Московскому рукополагать Киевского митрополита». Важнейший исторический документ, своего рода хартия — разорвать и в мусорный ящик!

Какая-то дикость. Просто-напросто отменить, яко не бывший. И смех, и грех. Сплошное шутовство.

В заключение вспомним ещё раз великого Хомякова — «если я не вышел из пределов истины, если не сказал ничего такого, чего бы в то же время не доказал, жестоким окажется само дело, а не моё слово». И зададим вопрос — не настало ли время пересмотреть отживший и не соответствующий действительности, дарованный некогда кафедре столпцы христианской Империи почётный принцип первенства чести среди равных, вылившийся ныне в претензии на безоговорочное главенство над мировым Православием? Ведь сам патриарх Варфоломей даёт нам пример, что следует отменять отжившие понятия и документы.

КРИЗИС В АРГЕНТИНЕ

Аргентина вновь погружается в бездну социально-экономического кризиса. Из-за инфляции, цены на товары и услуги выросли на 45% по сравнению с прошлым годом.

Только за первые четыре месяца 2018 г. цены на бензин увеличились на 10%. Аргентина слишком много тратит денег и берёт в долг. Дефицит бюджета составляет свыше 728 миллиардов долларов.

По уровню накопления капитала Аргентина уступает Чили и Мексике. В июне 2018 г. экономический рост снизился на 7%. С прошлого года уровень безработицы в Аргентине вырос с 7,2% до 10,1%. Кризисные явления в аргентинской экономике вызывают озабоченность среди иностранных инвесторов, которые покидают страну. Даже сами аргентинцы всё больше переводят свои сбережения в США.

В этом году местная валюта, песо, обесценилась на 40% по отношению к доллару. С начала прошлого года уровень инфляции увеличился вдвое. По уровню инфляции лишь Венесуэла, разрываемая большевизанствующим правительством президента Мадуро, опережает Аргентину.

Б. Гасан

ОТКЛИКИ НА ГАЗЕТУ

ДРУГОЙ МОГИКАНИН

Дорогой о Господе отец протодиакон Герман, большое спасибо за статью по случаю 70-летнего юбилея газеты "Наша Страна" (№ 3085-3086), и о её редакторе Н. Л. Казанцеве.

У нас тоже есть и другой могикинин - это наш дорогой отец протодиакон Герман Иванов-Тринадцатый. Сердечная благодарность за Ваши статьи, обращения и старания пробудить совесть у тех кто не понимают, что надо сохранять правду и любовь, и быть вместе с многоотрадающей Русской Православной Церковью Заграницей, которая не соединилась с Московской Патриархией, получившей начало после согласия с коммунистами во время войны.

Я всегда читаю всё, что получаю от Вас, а статью о "Могикине", размножил и в это воскресенье будем раздавать в нашем приходе после службы во время обеда, где собираются окол 60 человек.

Спасибо за всё, и за Ваши молитвы о нас грешных. Да сохранит Господь и Матерь Божия протодиакона Германа на многая лета. С любовью во Христе,

Нед. прот. Владимир Шленев

ПЛАМЯ НЕ ГАСНЕТ

Дорогой отец Герман! Благодарю Вас за прекрасную статью "Последний из могикин" ("Наша Страна" 3085-3086). В этой

статье Вы написали всё главное.

Мне, к сожалению, не разрешило здоровье написать мои воспоминания о газете, когда она после войны приходила в Мюнхен и там распространялась. Не могу написать и о том, когда туда приезжал Иван Лукьянович Солоневич, и было с ним собрание.

Но Вы написали, и читатели конечно оценят заслуги газеты для всей нашей эмиграции, её борьбу, чтобы не погасло пламя нашей идеи Свободной России, которая будет и дальше гореть в сердцах будущей молодежи, как в Зарубежье, так и Отечестве.

После того как мне сделали третью операцию на сердце, у меня нет более сил писать. Благодарю ещё раз, благодарю за Вашу поддержку "Нашей Страны" и желаю Вам всех благ, которые все исходят от Всевышнего. Прошу Ваших святых молитв, Ваш во Христе,

Юрий Солдатов

НЕМЕРКНУЩИЙ ПУТЬ

От имени всех благодарных читателей, скажем громкое «Многая лета!» многоуважаемому Николаю Леонидовичу Казанцеву!

И многоуважаемому протодиакону отцу Герману Иванову-Тринадцатому, низкий поклон и благодарность за его неустанные труды во имя памяти Белой Эмиграции, пути которой, пути немеркнувшей незабвенной истории, прошли наши предки!

Вечная им память! С уважением,

Ольга Шикалова

НЕЛЁГКИЙ ПОСТ

Многоуважаемый Николай Леонидович, благодарю вас за газету. Примите мои поздравления с юбилеем "Нашей Страны".

Здоровья Вам желаю в стоянии на этом нелегком посту. Храни вас Бог. С уважением, из России, до сих пор оккупированной большевиками,

Н. Бечин

РОСТОВЧАНИН

Дорогой Николай Леонидович! Прошу передать Дмитрию Степановичу Болтовскому мои искренние поздравления с принятием в Аргентинскую Академию Наук и самые добрые пожелания!

Ибо он высоко держит марку не только «своего рода, русской эмиграции и отечественной науки», как Вы точно отметили, но и марку ещё одного немаловажного и чудного людского сообщества - ростовчан (ещё в первой четверти XX века - ростовцев), к которому он принадлежит по праву!

И Ростов на Дону, надеюсь, так же в полном праве гордиться им и его предками! Ангела Хранителя! Выпускник Ростовского Университета 1979 года,

М. Ю. Абрамов

ВСПОМИНАЯ ДЖОРДАНВИЛЬ

1.

Всегда спокойный и медлительный декан Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле, Николай Николаевич Александров, преобразался, когда в монастырь приезжал кто-либо из представителей правительства, или даже просто люди имеющие вес в обществе. Он стремился им услужить, спрашивая, не хотят ли они выпить чай или кофе, перед тем как идти для знакомства со святынями, или сперва отдохнуть, посидев на свежем воздухе. В кухню он сразу же сообщал, чтобы приготовили угощение.

Себя он всецело посвящал приехавшим, отвечая на появляющихся у гостей вопросы. Он показывал, где склад, коровник, курятник и т. д. Вёл в учебные классы и трехэтажную библиотеку, с выпускным залом, музеем. В библиотеке, построенной на его средства, он пользуясь маленькой "шпаргалкой" в его записной книжке, обязательно начинал «представление», над содержанием которого некоторые преподаватели подсмеивались, критикуя даваемую им информацию.

Показывая переизданное издание Библии, проф. Александров говорил, что славянские народы получили Священное Писание на понятном для них языке после Крещения Руси, так как Кирилл и Мефодий сделали перевод уже за сто лет перед этим, а печатная книга Острожского, которую он показывает, уже существует с 1581 года.

В нашем монастыре, говорил он, хранятся религиозно-культурные ценности славянских народов, в частности русского, для того чтобы в будущем они могли вернуться в Восточную Европу, освобожденную от интернациональных безбожников-коммунистов уничтожавших культуру с мифической целью создания «нового человека».

Он говорил посетителям, что славянские народы населяли в далёком прошлом всю южную и центральную Европу, до времени Карла Великого. Славянские корни языка и культуры на островах Готланд и Рюген, в Саксонии, Шлезвиг-Гольштейне, Бранденбурге, Восточной Пруссии и других местах, захваченных силой германскими племенами, доказывают об едином источнике происхождения.

Когда этим народам не грозили войны извне, они жили мирно. Их культурные достижения отличаются от других народов тем, что, например, в Киевской Руси началось обучение женщин за долго до того, как это было сделано в Западной Европе.

К примеру служит подпись на Священном Писании, книге которой пользовались при коронации монархи, дочери Великого Князя Ярослава, Анны, ставшей французской королевой.

Славяне в прошлом пользовались различными алфавитами: как кириллицей, так и латиницей, и глаголицей. В 1491 году, во

время царствования короля Казимира 4-го Ягеллончика, в Кракове началось славянское кирилловское книгопечатание первых богослужебных книг на церковно-славянском языке.

Во время царствования этого короля только в 1447 году в Польше было построено шесть православных церквей в Могилеве, Кричеве, Черикове, Витебске, Бешенковичах, и Орше. Церкви были основаны в Ильинский день, когда от болезни была избавлена Елизавета, супруга Казимира.

Православные церкви строились так же в другое время в различных городах Польши, когда там еще была свобода вероисповедания, а издававшиеся там книги распространялись во всех славянских странах.

Книгопечатание в славянских странах было необходимым для целостности священнослужения в различных странах Европы, и оно началось немного после Франции, одновременно с Испанией, но прежде чем в Англии.

А теперь, говорил декан, перейдём к альбомам фотографий соборов и церквей различных стилей в Русской Империи, до их разрушения безбожными коммунистическими властями Советского Союза.

И он также показывал посетителям фотографии Игоря Сикорского, бывшего не только авиаконструктором, но также одним из профессоров джорданвилльской семинарии.

Г. М. Солдатов

БУРНЫЕ ДНИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Гамзат-бек, (1801-1834), второй имам Кавказа, преемник Казимуллы, сумел пополнить ряды мюридов (последователей суфизма, беспрекословно подчинявшихся духовному руководителю) и, избегая крупных столкновений с русскими, овладеть Аварией, предварительно убив коварным образом двух сыновей доблестной ханши, состоявшей в союзе с Россией, заманив их в свой стан.

Гамзат-бек по своей натуре был настоящим абреком-разбойником. Правил он недолго, около двух лет, и закончил свой жизненный путь бесславно, как и жил, став жертвой кровной мести, которую сам и затеял. Главную роль в убийстве Гамзат-бека сыграл Хаджи-Мурат, отомстивший за сыновей ханши. Это - личность овеянная легендами и мало в чём уступавшая Шамилю. Ему Лев Толстой на склоне лет, незадолго до смерти посвятил свою художественную повесть «Хаджи-Мурат», - последнее его литературное произведение.

Во время убийства Гамзат-бека, Шамиля не было в Хунзахом, но когда через несколько дней он узнал об этом, не теряя времени провозгласил себя третьим имамом, возглавив движение. Наконец его час пробил! Первым его распоряжением было захватить казну Гамзат-бека и умертвить 8-летнего хана Булача, младшего сына несчастной аварской ханши, томившегося в заключении, что и было исполнено: его задушили, а тельце сбросили в зияющую пропасть.

Шамиль, считавший себя вторым после пророка Магомета, опасаясь соперников и претендентов, придерживался логики, что в руках врагов они - величайшее зло для общего дела, как козырный туз в карточной игре. В силу этого, базируясь на таком мышлении, он в вопросах Газавата был неумолим и действовал жёстко, вплоть до пролития крови. Убийство малолетнего хана ознаменовало его «дебют».

Став имамом и пользуясь абсолютной неограниченной властью, Шамиль стал проводить политику объединения и консолидации Кавказа от Чёрного до Каспийского морей. Этому мероприятию он придавал большое значение, возлагая на него все надежды. Здесь Шамиль придерживался принципа политики «кнута и пряника», подлаживаясь к местным условиям и обстоятельствам данного момента. к инакомыслящим, видевшим в русских меньшее зло. Но в особенности к «коллаборантам», Шамиль был беспощаден, применяя к ним меры воздействия огнём и мечом.

Захватив непокорный аул, Шамиль в сопровождении палача, высокого мюрида, одетого во все чёрное и с громадным топором в руке, и двух его помощников, появлялся на лобном месте, где производил суд над виновными. В зависимости от размера вины, отрубались кисти рук или головы, которые катились с немигающими глазами по пыльной дороге, орошая ее кровью.

Историческая раздробленность Кавказа с его феодальными и архаическими порядками, междоусобица, племенные распри и, наконец, вавилонская разноязычность никак не содействовали объединению; скорее, сумма этих слагаемых вызвала обратный процесс. Именно это последнее обстоятельство заставило

Шамиля пользоваться тюрко-татарским языком, понятным широким массам Кавказа, своего рода эсперанто или lingua franca, что лишало его той красочной риторики и тех цветистых метафор, которыми он привык оперировать, пользуясь арабским языком, понятным лишь религиозной и политической верхушке.

Мюридизм, даже в период своего наибольшего успеха в 40-х годах XIX-го века, обладал сравнительно небольшой территорией, преимущественно восточного Кавказа. Попытки Шамиля в течение 25 лет сколотить в один кулак Кавказ для отпора России, терпят неудачу.

За первые два года своего имамата Шамиль укреплял власть над дагестанскими племенами, обосновал свой главный оплот - штаб-квартиру - на почти отвесной конической скале, возвышавшейся на 600 футов над бурной речкой, обвивавшей змееобразным серпантинном с трёх сторон это орлиное гнездо - Ахульго, что по арабски значит *прибежище*.

Таким оно и было. Пейзаж этой горной дикой пустыни с её зияющими пропастями, застывшими каменными твердынями и громадами скал, был мрачен, однообразен и действовал удручающе. Ничего другого вокруг не было. По местному сказанию, сам шайтан вымолил у Аллаха это заброшенное, нелюдимое место для своего логова.

В 1831 году генерал Иван Фёдорович Паскевич был срочно отозван в Польшу, а новым главным командующим назначен генерал барон Григорий Владимирович Розен, в руках которого соединилась как военная, так и гражданская власть. В общем, кратковременная деятельность Паскевича, графа Эриванского, на Кавказе была всецело посвящена двум победоносным войнам, оставлявшим мало времени на гражданскую администрацию. Но несмотря на это, по словам английского «наблюдателя» генерала Монтейта, Паскевич был талантливым администратором, пользовавшимся неограниченным доверием Императора Николая Первого, которому удалось до некоторой степени замирить несколько кавказских племён, не нарушая их прав и привычек.

Царь Николай Павлович, недовольный общим ходом дел и в связи с жалобами Розена, возымел намерение сам посетить Кавказ, что и было осуществлено в сентябре 1837 года. Перед прибытием, Государь отослал в роли ревизора барона фон Гана в Тифлис, в обязанности которого входило полное ознакомление с краем и отчёт о текущих делах, с предоставлением Царю рапорта к его приезду.

Появление в столице Грузии сенатора фон Гана, компетентного администратора, знающего своё дело, встревожило барона Розна и явилось как бы пародией на комедию Гоголя «Ревизор».

Весть о том, что скоро придёт на Кавказ сам монарх, разнеслась с быстротой молнии и имела эффект разорвавшейся бомбы: всё засуетилось, забегало, заволновалось. Спешным образом Тифлис приводился в порядок; старались придать городу праздничный вид. Розен понимал, что сплетение событий и обстоятельств в связи с предстоящим визитом

Государя, который с самого начала заявил, что едет по долгу службы, - складывалось для него неблагоприятно. В своё время, после взятия Ахульго, в Петербург было отписано и в довольно радужных тонах, что якобы Шамиль собирается сложить оружие. Некоторым уже мерещились ордена и повышения в чинах.

Примерно за месяц до прибытия Царя, Розен попытался ещё раз "для сохранения лица" склонить Шамиля к миру. С этой целью он отправил генерала фон Кругену, возложив на него деликатную миссию вести переговоры лично с Шамилем.

Кругену, заслуженный боевой генерал был известен Шамилю и его наибам по своей отваге и прямолинейности, за что его ценили, видя в нём себе равного. Миссия, однако, не увенчалась успехом, наоборот, претерпела фиаско и сам Кругену чуть не поплатился своей головой. Розен, как утопающий, хватался за всякую соломинку...

В назначенное время к условленному месту, довольно дикому и мрачному ущелью, сжатому с обеих сторон горным массивом, прибыл генерал Кругену в сопровождении генерала Евдокимова и пятнадцати казаков. Там уже его ожидал Шамиль со своим конвоем, состоявшим из трёхсот мюридов, тянувших заунывную песню, но при виде русских разразившихся боевым кличем, не приветливым и даже страшным для северного уха, - переходящим в завывание стаи голодных волков.

Во время переговоров все стихло, лишь чёрные вороны хлопаньем крыльев и досадным карканьем нарушали тишину, да ветер со свистом врывался в ущелье. Все взоры были обращены на Шамиля и Кругену, расположившихся в центре ущелья на бурке, которую услужливый переводчик генерала разостлал для них. Переговоры, затянувшиеся на несколько часов, не дали ничего положительного. Все осталось по-прежнему на точке замерзания.

Шамиль, все время сидевший молча, лишь изредка вставлявший свои реплики, отделался общими фразами, пообещав передать содержание диалога наибам на их рассмотрение.

По окончании переговоров разразилась бурная сцена, гущенная восточным драматизмом, грозившая принять трагический исход. При прощании генерал Кругену протянул руку Шамилю, который со своей стороны сделал тот же жест, и в этот самый момент к ним подскочил и накинулся на них как шквал ветра Сурхайхан, один из самых фанатичных наивов. С руганью отведя в сторону руку Шамиля от «неверного», он набросился на «Клюку» Кругену, посмеявшегося осквернить своим прикосновением Шамиля. Кругену схватился за костыль, при помощи которого он передвигался после ранения в ногу, и хотел было сбить с головы хана его тюрбан, что на Востоке считалось смертельным оскорблением. Спас положение Шамиль, схватив за руки Кругену и Сурхайхана, готового своим кинжалом полоснуть по горлу генерала. Еле сдерживаемые мюриды готовы были изрубить горстку русских в куски, но повелительный голос Шамиля заставил их, не нарушая строя, остаться на

местах. Подоспевший генерал Евдокимов с трудом оттащил впавшего в ярость Кругену от не менее взбешенного хана.

Так, на весьма кислой ноте, закончились переговоры с Шамилем, не лишенным благородства, заступившимся за врага, которого он ценил за отвагу и прямолинейность характера.

Тем временем Государь уже держал путь на юг. В обыкновении Царя была быстрая, даже стремительная езда. Темп его продвижения можно сравнить с олимпийским: он мало где останавливался, а если и приходилось, то лишь на короткий срок. Еде и сну отводилось мало времени и только во время езды, в кибитке или на санях. Розен, выехавший навстречу Государю, совсем занемог, едва за ним поспевая.

Посещение царём Кавказа имело громадное значение. Правда, ему не удалось все исправить, но многим злоупотреблениям был положен конец. Так, после парада, Царь в присутствии всех офицеров, стоявших полукругом около него, обратился к князю Александру Дадияни, полковнику Эриванского полка и зятю барона Розена, со следующими словами: «Полковник, мне известно ваше непростойное поведение, порочащее мундир и эполеты офицера, которые вы недостойны больше носить». Повернувшись затем к генерал-губернатору, Государь приказал сорвать с Дадияни погоны, отобрать саблю и отправить в течение двух часов в Бобруйск в крепость.

Кроме того, Император сместил нескольких генералов, в том числе и барона Розена, которому так и не удалось склонить Шамиля к миру к приезду Государя. Покидая Тифлис, Государь выразил недовольство общим военным положением этого края.

Граф А. Коновницын

ВЫНУЖДЕННАЯ ВОЙНА

Известный геополитик, социолог и публицист XIX века Николай Яковлевич Данилевский обосновывал покорение Кавказа русскими тем, что его жители — «природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставлять своих соседей в покое».

Следовательно — это не была колониальная война, на английский манер, а вынужденное замирение агрессоров.

Мнение Данилевского не уникально. В 1990-е годы историк из Северной Осетии Марк Блиев возродил обоснование Кавказской войны борьбой с набегами горцев и создал оригинальную теорию набеговой системы, за счет которой жило горское общество.

Кроме того, по окончании войны в Закавказье не был установлен колониальный режим. Оно получило общероссийскую губернскую систему управления.

Н. Казанцев

Антон Васильев

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ПЁТР ВРАНГЕЛЬ»

Абрам Михайлович Драгомиров, бывший командующий Северным фронтом, круглолицый, с пышными усами, в Киеве отпустил ещё и бороду, став похож на чеховского помещика, у сестры которого купили имение с вишнёвым садом и теперь ждут, когда же бывшие бары заложат бричку, чтобы навсегда уехать. В коридоре стоял, поблёскивая уголками в пыльном луче света из столовой, коричневый фибровый чемодан, что лишь увеличивало сходство.

- Воевали на Центральном и Юго-Западном? Жаль, не встречались. Будьте, как дома... Письмо от Алексеева получил, - Абрам Михайлович достал из кармана одетого внакидку мундира уже порядком измятый конверт.

- Вы давно его видели? Как он? - Болен, и весьма. Лёгкие слабеют. Милости прошу. - И прямо на ходу, отодвигая портьеру, продолжил: - Михаилу Васильичу обещана поддержка союзных держав. Всем миром на стервцов навалимся, помогай только Бог. Прошу за стол, прошу. Гапа, запеканки нам и закусить, - приказал он толстенькой кухарке с чёрными косами вокруг головы.

- Извините, - пробормотал Врангель, толкнув головой огромный, свисавший с потолка шатром, жёлтый матерчатый абажур. Присел за круглый стол на львиных лапах - тот скрипуче посетовал на старость. В приоткрытое окно рвался жаркий день, сиял в стёклах книжного шкапа, часов, уютно пробивших три раза, барометра на стене меж фотографий, жёлтыми перьями распозался по лепнине высокого потолка и по голландской печи. С противоположной стороны улицы, сквозь зелёные тени каштанов, в распах тяжёлых гардин мерно, как ялтинский прибор, накатывал благовест.

Чернобровая Гапа, вздрагивая обильным телом под кофтой, улыбаясь всем круглым темноватым лицом и приговаривая «іжте і пийте на здоров'ячко» вносила квадратный зелёный штоф, высокие гранёные рюмки, тарелочку сала, обжаренного до прозрачности, солёную селедку, облитую постным маслом и усыпанную маринованным луком, маленькие белые грибочки, разрезанные вдоль. Драгомиров вздёрнул бороду, заткнул салфетку за ворот, потёр сухие розовые ладони, налил тёмно-золотистой жидкости Петру Николаевичу себе.

- Это, дражайший мой, не

монополька, даже не Смирнов. Это - малороссийская запеканка! В горилку кладутся имбирь, кардамон, лимонные корочки, гвоздика, бадьян, корица, мускатный орех и мускатный же цвет. Само собой, сахар. Горшок со всем этим искушением замазывается тестом и ставится на четыре ночи в горячую печь. По утрам достают и встряхивают. Ну, Господи благослови!

Запеканка оказалась самогоном, с классическим дрожжевым привкусом, но невероятно облагороженным пахучими ингредиентами.

- Теперь молниеносно атакуйте грибочки.

Пряная кислинка маринованных белых чудесно соединилась с коричнево-лимонно-кардамонным послевкусием.

- И поджаренного сальца пластиночку... Эх, поедем ли ещё так на фронте? Не нынче-завтра в Екатеринодар. Освободили. Жаль, Лавр Георгиевич не дожид, не успел.

- Выходит, с гетманом вам не по дороге? Ведь Украина - серьёзная сырьевая база, помощь Дону и Кубани, Павел мне логично толковывал.

- Дражайший, Пётр Николаевич, ну какой гетман? Тут давеча один наш офицер, капитан Лукин, из местных, уморительнейший каламбур прочёл. Сам сочиняет.

«Ще не вмерла Украина, аж с Киева до Берлина. Гайдамаки ще не сдались - Дойчланд, Дойчланд юбер аллес!» Каково, а? Талант! Какой там гетман... Дезертирство к Петлюре страшное. В Киеве три полка русских добровольцев, и это всё, а у Петлюры и Болбочана, по данным разведки, тысяч тридцать штыков и сабель. В случае грамотного штурма гетман сутки продержится. Но и Петлюре долго не править, у него кабак ещё хуже, чем у кавалергарда. Так что Украина весьма скоро станет сырьевой базой для Троцкого-с.

Наших жалко, полягут все. Зову их с собой, и Ломновский зовёт, и Алексеев письма рассылает... туго идут. Ну как же, на службе, кто-то и семью уже устроил, жалованье получает! А я в степи зову, умирать. Тут особый склад людей нужен, вроде Корнилова, Маркова... Пухом им земля...

- Жаль, если эти банды Киев возьмут. Такой город... - Был, Пётр Николаевич. Была мать городов русских. А теперь, всё больше и больше... мать хуторов жлобских. Тот же капитан придумал, точнее не скажешь... царство вышиванок и капелюх вместо чудесного европейского города. Однако ж, у нас уже пуля пролетела между первой и второй!

- Можно мне селедки, Абрам Михайлович?

- Нужно, дорогой мой! Для вас поставлено... В Екатеринодар ночной поезд уходит. Может, свернёте палатку - и со мной?

- У меня вся семья в Ялте. Заберу - и к вам. В городе найдём друг друга. А всё же, откровенно... - Барон оглянулся на дверь, где вальяжно проплыла Гапа. - От такой кухарочки - не жаль уезжать?

- Кхм... мда. Если бы не обстоятельства...

Квартира Василия Бискупского походила более на штаб, полностью готовый к перебазированию. Отчётливо пахло сапожной мазью и табаком, на крышке фортепьяно лежали шашка в ножнах и полевая фуражка в чехле. Командно поставленный голос раздавался то в кабинете, то в столовой. В окне, ближе к левой раме, за решёткой балкона, в лучах клонившегося к закату солнца пылали луковичы Михайловского собора.

- Сколько ж не виделись? - Бискупский в рубашке и подтяжках, обняв барона за плечи, подвёл его к столу, утопил в пепельнице когеновскую папиросу, пододвинул стул.

- С семнадцатого, когда ты решил поставить на революцию, товарищ делегат совета солдатских депутатов...

- Так ведь это был простой расчёт, как в покере. Чем мной будут помыкать михрютки с бантиками, уж лучше я попытаюсь... Флэш, правда, тогда собрали красные. Выпьем за встречу? У меня, прости, как в походе. Бискупский разлил водку по стаканчикам.

- Разносолов немає, но придумал вполне недурной вольт в плане закуски. Краюшка хлеба посыпается солью, натирается чесноком и сверху добавляется мелко нарезанный укроп. Ще сальце и огирки мочёные. Учусь балакать с местным прононом. В Одессе будут говорить ещё непривычнее.

- Я же не напаштетик Донону ехал. Тебя повидать. Будь здоров, Вася.

«Полевая» закуска генерального хорунжего оказалась вкуснейшей.

- Слушай, - выдохнул после обжжённой нёбо перцовки барон, разглядывая пахучую краюшку, - отличное изобретение! Да хоть бы и на четверговой обед в Конном полку! Ты, вижу, мастер не только гимны сочинять?

- Иогурчик, сразу же огурчик! C'est comtesa! Может, набалкон? Жарко здесь, окна неудачно расположены.

Вид на Трёхсвятительскую роскошный, но как солнечный день, так жара нестерпимая. Вышли на балкон. Предзакатное небо наливалось густой лазурью, за Софией, на западе, заиграло розовыми перьями. Посреди улицы загремел строевой шаг. Шла немецкая рота колонной по три, и, видимо, новобранцы, недавно приехавшие, так как офицер то и дело лающе покрикивал: «Gleichhalten!» - «Держать строй!»

- Неплохо идут, - отметил Бискупский. - Стараяются. Мне бы в Одессу батальона два хотя бы таких - и никакие атаманы Григорьевы не страшны. Гляжу на них, гансов серо-зелёных, упрямых, аккуратных... и всё чаще думаю: с теми ли мы дрались, Пётр? А ведь они моих москочев под Тарнавкой шрапнелью рвали, две тысячи положили. Но вспоминаю семнадцатый, затем Брест, весь позор, безнадежность, и всё-таки отвечаю: воевали не с теми! Если бы император Александр с Берлином союз заключил - не было

бы у нас никакой революции...

- Вася, они же славян навозом считали. Хотели дойти до Волги. Ты читал Гельмута Канны? Для них Россия - сырьевая база, амы - рабы...

- Тоже мне русак нашёлся, - рассмеялся Бискупский. - Велик их Один-бог, угрюмо море. Ну, и чем тебе твои славяне отплатили? Что сотворили с матушкой-Россией? Ведь глянуть тошно! Да я бы в каждого рязанского и калуцкого влил унции три прусской кровушки - глядишь, привилась бы вакцина от Троцких! Нет, брат, я за Германию. Если появится у них новый Фридрих Великий, вот те крест - своей грудью от пуль его заслонять буду!

- А верность союзникам как же? Забыть?

- Англичанам с французами? Ох, обремизимся мы с ними, останемся безшести. Потом меня попомнишь...

В раскрытом окне за соседним балконом раздалось граммофонное шипение. Фортепьяно взяло несколько аккордов, чуть смятых и искажённых на заезженной пластинке.

- Слушай, - шепнул Бискупский, беря Врангеля за рукав. Из окна поплыло меццо-сопрано, свежее, как весенний ветер, и сочное, как виноградная гроздь.

*Если жизнь не мила вам, друзья,
Если сердце терзает сомнение,
Всё рассеет гитара моя,
В ней тоски и раздумья
забвенье...*

*Дай, милый друг,
на счастье руку,
Гитары звук
разгонит скуку,*

*Забудь скорее горе злое,
И вновь забьётся ретивое...*

- Вяльцева, - прошептал барон. Бискупский кивнул, будто дёрнул голову вниз, губы мелко задрожали, и он отвернулся, чтобы это скрыть.

- Настя поёт... Соседи - врач с супругой. Обожают её, каждый вечер слушают.

Он глубоко вздохнул, глядя в потемневшее небо, в горящее жёлтым и алым зарево над Лаврой.

- В тринадцатом заболела... после гастролей... даже тибетец Бадмаев не помог... Я кровь для неё сдавал... ничего не помогло...

- А какой-нибудь Керенский доживёт, небось, до девяноста, - тихо ответил Врангель, будто самому себе. - Где справедливость?

- Нет, Пётр, справедливость есть. Она не увидела всего этого... Слава Тебе, Господи...

Однополчане ещё четверть часа поговорили и распрощались, ибо чувствовали, что главное уже сказано.

Врангель вышел на улицу, ища извозчика, и поднял голову, глянул на балкон Бискупского. Василий Викторович стоял всё в той же позе, опершись на перила, и смотрел на соседнее окно.

*Я спою вам, друзья, про любовь,
Всех страданий виновницу злою,
Каждый вспомнит свою дорожку,
И сильней забурлит ваша кровь.*

*Дай, милый друг,
на счастье руку,
Гитары звук
разгонит скуку,*

*Забудь скорее горе злое,
И вновь забьётся ретивое...*